

*Посвящается Джо Шмидту,
выдающемуся тренеру по регби, с глубочайшим уважением.
Вопреки разочарованию в Японии, вы и ваше наследие
надолго останутся в памяти ирландских фанатов регби.
Желаю вам большого счастья и успехов в будущем,
и если добрая удача сведет нас однажды — выпивка за мой счет!
(P. S. Не могу вообразить более подходящего названия для книги,
которую посвящаю вам.)*

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

(Помеченные звездочкой (*) являются историческими личностями.)

Фердия О Кахойн / Руфус, ирландский дворянин из северного Лейнстера.

В Стригуиле:

Роберт Фиц-Алдельм, Сапоги-Кулаки, рыцарь.

Ричард де Клер, граф Пемброкский (покойный)*.

Ифа, его вдова*.

Изабелла, их дочь*.

Гилберт, их сын и наследник*.

Рис, мальчик-сирота из Уэльса.

Хьюго, Уолтер, Реджинальд и Бого, оруженосцы.

Большая Мэри, прачка.

Фиц-Варин, рыцарь, друг Роберта Фиц-Алдельма.

Жильбер де Лиль, посланец герцога Ричарда.

Гай Фиц-Алдельм, рыцарь, брат Роберта Фиц-Алдельма.

Члены Анжуйского дома и их приближенные:

Генрих II, король Англии и Анжу*.

Алиенора (Элинор) Аквитанская, его жена*.

Генрих, Молодой Король, старший из выживших сыновей Генриха II*.

Ричард, герцог Аквитанский, второй сын Генриха II*.

Джефри, граф Бретонский, третий сын Генриха II*.

Джон Безземельный, младший сын Генриха II*.

Матильда, одна из дочерей Генриха, замужем за Генрихом Львом*, бывшим герцогом Саксонским и Баварским.

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

Алиенора, Жюветта — служанки Матильды.
Беатриса — служанка королевы Алиеноры.
Жоффруа — незаконнорожденный сын Генриха II, его канцлер*.
Жоффруа де Брюлон, рыцарь*.
Морис де Краон, рыцарь*.
Хавиза Глостерская, невеста принца Джона*.

Двор Ричарда:

Андре де Шовиньи — рыцарь и кузен герцога Ричарда*.
Джон де Бомон, рыцарь.
Джон де Мандевиль, Луи, Хорек Джон, оруженосцы.
Филип, оруженосец и друг Руфуса.
Овейн ап Гриффит, валлийский рыцарь.
Ришар де Дрюн, английский жандарм.

Двор Молодого Короля:

Уильям Маршал, рыцарь*.
Адам д'Икбеф, рыцарь*.
Тома де Кулонс, рыцарь*.
Балдуин де Бетюн, рыцарь*.
Симон де Мариско, рыцарь*.
Элоиза де Кендал, подопечная Уильяма Маршала*.
Жослен, оруженосец Уильяма Маршала*.
Жан д'Эрле, оруженосец Уильяма Маршала*.

Прочие персонажи:

Филипп Капет*, король Франции, сын короля Людовика* (покойного).
Бертран де Борн, трубадур*.
Граф Вульгрин Тайлефер Ангулемский*.
Матильда, его дочь*.
Вильгельм и Адемар Тайлеферы, братья Вульгрин*.
Граф Эмар Лиможский, их сводный брат*.
Филипп, граф Фландрский*.
Вильгельм де Барр, один из рыцарей Филиппа*.
Граф Раймунд Тулузский*.
Граф Гуго Бургундский*.
Петр Сейян, близкий советник графа Раймунда*.

ПРОЛОГ

История помнит великих. Королей, императоров, пап. Простые люди вроде меня или вас сходят в могилу безымянными. На наших похоронах не прочтет молитву архиепископ, над местом упокоения не возведут величественной гробницы. Однако некоторые из нас были там, когда судьба королевств висела на ниточке, когда почти проигранная битва оборачивалась торжеством. Позабытые монахами-писцами и хронистами, мы помогали великим торить тропу к славе и вечной памяти.

Сейчас я сед и согбен, но в свои дни работал мечом бок о бок с лучшими из воинов. Весь христианский мир знает Ричарда, короля Английского, герцога Нормандского, графа Бретонского и Анжуйского, по прозвищу Львиное Сердце. Лишь горстка людей слышала о его рыцаре Руфусе, почти никто — о Фердии О Кахойне. Это меня не заботит. Я служил Ричарду не ради богатства или славы. Верность сделала меня его человеком, и я остаюсь им, хотя король мертв уже тридцать лет, да упокоит Господь его душу.

Глаза мои затуманились, мускулы одрябли. Некогда мне было в радость надеть кольчугу и скакать на боевом коне, теперь же я рад доковылять до скамейки у двери и погреть на солнце старые кости. Смерть скоро приберет меня, не в эту зиму, так в следующую. Я буду готов, молюсь только, чтобы монахам хватило времени записать мою историю так, как она есть, прежде чем я испущу дух.

Три раза по двадцать и еще десять лет — это дольше, чем отпускается большинству людей. Жизнь моя была богата событиями. Я познал радости истинной любви, чего многим

не дано. С разрывающимся от радости сердцем прижимал к груди своих новорожденных — сыновей и дочь. У меня были братья по оружию, ставшие ближе братьев по крови. Мне доводилось знать печали и даже трагедии, и что это, как не испытания, посылаемые Всевышним, дабы закалить нас? Все, что может человек, это снова взвалить на плечо свою ношу и идти дальше.

Говорят, пути Господни неисповедимы, и это воистину справедливо в отношении моей судьбы. Из малоизвестной округи в Ирландии меня забросило в Англию, где я поступил на службу к величайшему воителю нашего времени — Ричарду Львиное Сердце. Вместе мы осаждали замки и сражались в дюжине битв. Я проливал за Ричарда кровь, свою и чужую. Вынужден признать, что ради него мне довелось даже стать убийцей. Я исповедался в этих грехах, но внутренне не раскаялся в них. Да простит меня Господь, но я убил бы этих людей снова, будь у меня силы.

Нужно вернуться к рассказу, а то мы до захода солнца будем говорить о моей душе. Я присутствовал при последней встрече Ричарда с его отцом Генрихом, был в Вестминстерском аббатстве, когда на него возлагали корону. И едва не погиб на Кипре, спасая его королеву. При Арсуфе мы дрались плечом к плечу и одолели Саладина, а вскоре после того дошли почти до врат Иерусалима. Когда Ричарда предали на обратном пути из Святой земли, я делил с королем темницу. Я помогал ему вернуть то, что прибрал к рукам его поганый братец Джон. Он тоже мертв, как и Ричард, и, милостью Божьей, корчится в адском пламени.

Но я забежал вперед, почти поведав конец истории, хотя еще не приступил к началу. Читатель, ты, возможно удивишься, узнав, как ирландец служил английскому королю. Хвала святым, что мой отец умер, ничего не зная об этом. Сожалел ли я когда-нибудь о своем выборе? Пожалуй, да, и не раз. Но однажды данная клятва становится священной, а выкованные в боях узы товарищества неразрывны. Возможно, я несу чушь. Простите старику его болтовню. Давайте вернемся на полвека назад и начнем нашу повесть с начала...

ЧАСТЬ I

1179 ГОД

ГЛАВА 1

Десять лет минуло с тех пор, как бывший подлый король Лейнстера, Диармайт Мак Мурхада, призвал англичан в Ирландию. Полного завоевания не произошло, но серые чужестранцы, как мы их называли, все-таки взяли верх. Доказательством тому стали вместе с полоской земли вдоль восточного побережья вассальные клятвы, данные множеством ирландских королей английскому Генриху. Сокрушительный удар нашим надеждам был нанесен четыре года назад, когда король Руайдри Коннахтский тоже присягнул.

Отец мой происходил из мелкопоместной знати северного Лейнстера и, после того как Диармайт заключил союз с англичанами, предложил свои услуги Руайдри. Разъяренный поступком Руайдри, который он считал изменой, отец совершил неосторожный шаг, пристав к королю Ольстера, нашему давнему врагу, пока что не покорившемуся чужакам. Неудачный выбор. Когда враги пришли грабить наши земли, Ольстер не откликнулся на призыв о помощи. Сражались мы храбро, но нас задавили числом.

Взятый в заложники для того, чтобы моя семья сидела тихо, я был отослан в Дублин. Оттуда крепкий когт понес меня на юго-восток, к облачному валлийскому побережью, сплошь усеянному замками. Оцепи землю подобными твердынями, размышлял я мрачно, и местным обитателям некуда будет податься, только принять последний бой, как это произошло с моими родичами. Снова перед глазами предстала атака английской рыцарской конницы: неудержимый вал, разметавший наших легковооруженных воинов.

Наше путешествие подошло к концу у берегов Англии, у оплота, называемого ими Стригуил. Служащий домом для семейства де Клер, он возвышается на утесе над рекой Уай — самый большой из виденных мною замков, могучая прямоугольная башня с опоясывающим вершину холма палисадом. Помимо этого, как я позже выяснил, крепость со всех сторон, кроме той, где протекала река, была окружена рвом. Внешне я никак себя не выдал, но в душе был потрясен. Если это родовое гнездо какого-то графа, донжон короля Генриха должен быть воистину впечатляющим. Англичане — не только опытные бойцы, подумал я, но и умелые строители. Опасения насчет того, что ирландским вождям и королям никогда не удастся сбросить захватчиков в море, нахлынули с новой силой. Я старался отогнать их, понимая, что, если тут нет надежды, мое положение становится совсем скверным. Мечта о победе над англичанами у меня на родине хоть как-то помогала выносить собственные невзгоды.

Девятнадцати лет от роду, выше большинства сверстников ростом, с копной густых волос на голове, я был крепко сложен, полон юношеского задора и знал в ту пору немного по-французски, но ни слова по-английски. С того дня, как суровый отец обрек меня на плен, я переживал трудные времена. Приняв близко к сердцу его напутствие — «Уступай, только если тебя вынудят, делай лишь то, что должен», — я отказывался подчиняться каким-либо приказам. В первый же день я обозвал грубого рыцаря, под пригляд которого был отдан, блохастым псом, чья мать подрабатывала на задних улочках Дублина, и не подумал о последствиях. В команде когда были ирландцы, и под давлением рыцаря они перевели ему мои слова.

Это оскорбление, нанесенное в первый день, доставило мне порку, которую я мужественно перенес — но получил не уважение, а новые побои и урезание порции провизии. Оглядываясь назад, я удивляюсь своему тупому упрямству и, что еще важнее, недалекости. К концу плавания я стал закадычным приятелем сапог и кулаков того рыцаря. Я готов

был утопить мерзавца в море и даже сделать кое-что похуже, будь у меня оружие. Но, несмотря на юношескую бравату, мне хватило ума понять, что тогда я последую за ним на океанское дно. Пришлось затаить ненависть до лучших, как я надеялся, времен.

— Руфус!

Так и не привыкший к имени, которое дал мне тюремщик, не способный, а скорее всего, не желавший научиться произносить мое настоящее имя — Фердия, — я не обернулся. Взгляд мой был прикован к фигурам на деревянной пристани у стен замка. Похоже, весть о нашем прибытии пришла раньше, чем корабль. Я понятия не имел, кто мог встречать нас, но уж точно не Ричард де Клер, один из вторгшихся в Ирландию аристократов. Слава богу, к тому времени он уже умер. Но и при жизни он не удостоил бы своим вниманием приезд столь ничтожного пленника, как я. Как и его вдова графиня Ифа, обосновавшаяся там после кончины супруга. Наслышанный о ее редкостной красоте, я согревался по ночам приятными грезами о ней, стараясь забыть о тонком одеяле и жестких досках палубы.

— Руфус, пес ты этакий!

Сапоги-Кулаки — такое прозвище я дал Роберту Фиц-Алдельму, тупоголовому рыцарю, возглавлявшему наш отряд, — явно злился.

Наконец ему удалось привлечь мое внимание. Я уловил имя Руфус и понимал, что значит *chien*¹. «Знатностью я не уступаю тебе», — мелькнула у меня презрительная мысль. Ребра все еще болели от последней трепки, но, упорствуя до конца, я продолжал смотреть на приближающуюся пристань и думал об Ифе, дочери Диармайта Мак Мурхада, короля Лейнстера, вдове Ричарда де Клера. Этой женщине предстояло решить мою судьбу.

— Руфус!

Я не обернулся.

¹ Собака, пес (*фр.*).

В голове вспыхнула боль, зрение затуманилось. От сильного удара я покачнулся и навалился на одного из членов команды. Тот с проклятием оттолкнул меня, ноги мои подкосились, и я рухнул на палубу. Сапоги-Кулаки обрушился на меня с обычной неумолимостью, как всегда стараясь не попадать по лицу. Он был хитер как лис и понимал, что вышестоящие могут не одобрить расправ, которые он учинял надо мной после отплытия из Дублина.

— Arestel!

Голосок был тонким, но властным. Он явно принадлежал девушке.

Я знал, что означает это слово: «Прекрати».

Сердце у меня колотилось. Больше ударов не последовало.

Девушка снова заговорила, сердито задав вопрос, которого я не понял.

Отвечая, Сапоги-Кулаки отошел от меня. Тон его был уважительным, но угрюмым. Слов я не разобрал.

Еще не оправившись до конца, я открыл глаза и огляделся. Линия шляпок от железных гвоздей. Щели в палубе. Внизу, в трюме, — слой грязной воды в несколько пальцев толщиной. Запахи мочи — кое-кто, вопреки приказу капитана, не желал мочиться за борт — и гнилой провизии. Мимо проходили сапоги и башмаки: первые принадлежали воинам, вторые — простолюдинам из судовой команды. Моток веревки. Днища бочек с водой, медом и солониной.

Сапоги-Кулаки не вернулся. Решив, что мне ничего не грозит, я потихоньку сел. Сполохи боли пронзали живот и спину, руки и ноги. Я старался утешиться тем, что единственной частью тела, которой от него не досталось, — не считая головы, конечно, — был пах. Я бросил взгляд на рыцаря: тот по-прежнему разговаривал с девушкой на пристани. Мы уже подошли к берегу, матросы управлялись с толстыми канатами, швартуя корабль. Встав и ухватившись за борт судна, чтобы не упасть, я посмотрел на девушку и удивился: по сути, она была еще ребенком. Девочка лет шести в платье тем-

но-красного цвета, с наброшенным поверх него зеленым плащом, украшенным серебряной каймой. Длинные рыжие косы, чуть светлее моих волос, обрамляли серьезное овальное лицо.

Ее серые глаза остановились на мне. Отчего-то я заподозрил, что передо мной — дочь Ричарда и Ифы. Было совершенно непонятно, что она делает здесь одна. Я склонил голову в знак уважения, хотя и не испытывал его, и снова встретился с ней взглядом.

— Сильно досталось? — спросила она.

Я вытаращился. Девочка обращалась ко мне не по-французски, а на моем родном языке.

— Мама говорит, что не подобает ходить с открытым ртом. Да и муха залететь может.

Чувствуя себя дураком, я захлопнул челюсть.

— Мои извинения, — промямлил я. — Не ожидал услышать тут ирландскую речь.

— Мать заставляет нас учить. «Да, вы наполовину англичанки, — говорит она, — но также наполовину ирландки».

Чутье не подвело меня.

— Похоже, ваша мать — мудрая женщина. — Я выдавил из себя улыбку. — Отвечая на ваш вопрос, скажу, что кости вроде как не переломаны. — Меня подмывало бросить сердитый взгляд на Сапоги-Кулаки, который наверняка старался уловить смысл нашего разговора, но я почел за благо этого не делать. — Спасибо, что заступились.

Короткий кивок.

В этом маленьком ребенке угадывалась некая серьезность. Неудивительно, решил я, если учесть ее происхождение.

— Как тебя зовут? — последовал вопрос.

— Фердия О Кахойн.

К моему удивлению, она повторила мое родовое имя правильно, начав с твердого «к», с «х» вместо «тх» и с «эйн» в последнем слог. Ее мать гордится своими ирландскими корнями, не без удовольствия подумал я.

Сапоги-Кулаки буркнул что-то по-французски.

— Он говорит, что тебя зовут Руфус. — Девочка вскинула голову. — И я вижу почему.

Я провел рукой по волосам, развеселившись вопреки боли.

— Мать говорит, что феи окунули меня, держа за пятки, в котелок с мареной, вот почему я такой рыжий. Видимо, вас они тоже чуть-чуть макнули.

Растеряв всю свою серьезность, девчушка рассмеялась.

— Я тоже буду называть тебя Руфусом! — Она заметила что-то на моем лице, и вид ее сразу переменился. — Если, конечно, ты не против.

И снова вмешался Сапоги-Кулаки. Невзирая на плохое знание французского, мне удалось понять, что ему не терпится сгрузить меня с корабля. Воины уже находились на пристани и принимали щиты и оружие в свертках из кожи, которые подавали матросы.

Преодолевая боль, я перекинул ногу через борт и перебрался на причал. Сапоги-Кулаки сошел следом. Он указал на тропу, что вела через россыпь домов к крепостному палисаду, и снова заговорил по-французски.

«Вот зараза, — подумалось мне. — Придется учить их язык, иначе тут не выжить».

— Он хочет, чтобы я шел туда? — спросил я у девочки.

— Да.

Ее прежняя властность испарилась, она будто осознала, что ее могущество ограничено. Можно помешать моему избиению, но нельзя изменить мою участь пленника.

Я не обратил внимания на первый тычок в спину, который нанес Сапоги-Кулаки.

— Как вас зовут? — спросил я у девочки.

— Изабелла! — послышался женский голос откуда-то из-за палисада. Крик был пронзительный и полный тревоги. — Изабелла-а!

Озорная усмешка.

— Изабелла. Изабелла де Клер.

Инстинкт не обманул меня. Я повторно склонил голову, на этот раз охотнее: сердце у этой девчонки было на месте.

— Должен вас поблагодарить, — сказал я, понизив голос, чтобы ирландцы из команды корабля не расслышали меня, — за то, что вы не позволили этому амадану превратить меня в месиво.

Она хихикнула.

— Поосторожнее с Фиц-Алдельмом. Он может немного понимать по-ирландски.

— Ни слова он не знает. — Уверенный, что вскоре буду обедать в большом зале, я полуобернулся. — Так ведь, амадан?

Сапоги-Кулаки, он же Фиц-Алдельм, насупился и пихнул меня вперед.

— Видите? — воскликнул я, обретая былую самоуверенность.

— Изабелла!

Женский голос теперь напоминал ведьмин вой.

— Это моя нянька. Пойду-ка я. — Девочка закатила глаза. Потом, подобрав юбки, чтобы не запачкать их на грязной тропе, побежала вперед. — Пока, Руфус!

— До свиданья, госпожа! — крикнул я ей вслед.

Впервые обращенное ко мне «Руфус» не вызвало у меня неприязни.

Радость моя оказалась короткой.

Сапоги-Кулаки от души врезал мне сзади. Я едва не упал ничком. Оправившись, я пошел вверх по склону под град ругательств. Изабелла, входившая в ворота замка, ничего не видела.

Я хотел было окликнуть ее, но не сомневался, что мои тяготы скоро окажутся в прошлом, и потому не стал шуметь. Если Ифа — справедливая женщина, решил я, то Сапоги-Кулаки получит как следует за такое обращение со мной.

Добравшись до ворот, к этому времени уже закрытых, я посмотрел на вершину палисада. Стена была высотой в три человеческих роста — достаточно близко, чтобы разглядеть

рожу ухмыляющегося часового, и достаточно далеко, чтобы понять: брать стену приступом согласится только слабомуный.

— Ouvrez la porte! — потребовал Сапоги-Кулаки.

«Открыть ворота», — догадался я. Нужно запомнить эти слова.

Рыцарь нетерпеливо обогнул меня и замолотил кулаками по доскам. Пусть и прочные, ворота оставались слабым местом в кольце укреплений. Впрочем, во время штурма защитники будут опорожнять на головы нападающих горшки с раскаленным песком, одновременно поливая дождем стрел с парапетов. Створка со скрипом отворилась, появился солдат в стеганом гамбезоне¹ и в кольчуге — явно невысокого ранга, так как он безропотно сносил брань, которую изрыгал Сапоги-Кулаки. Прозвучал вопрос. Мое ухо выхватило имя «Ева»: то же, что Ифа, но по-французски. Бросив на меня любопытный взгляд, солдат в ответ мотнул головой.

Мне некогда было рассуждать о смысле этого жеста: Сапоги-Кулаки пихнул меня в спину, давая понять, что нужно войти.

Мне доводилось бывать в бейли, как англичане называют дворы внутри замковых стен, но в таких просторных — никогда. Этот неправильный прямоугольник с одной стороны примыкал к двухэтажной каменной башне с пристройками — кухней и кладовыми. С другой стороны был палисад, там виднелись здания с покатыми крышами, которые я определил как казармы, конюшни и прочее. Народ сновал туда-сюда, но на меня никто не обращал внимания.

Кузнец в кожаном фартуке склонился над лошадиным копытом, подняв молоток, чтобы загнать очередной гвоздь в прилаживаемую подкову. Юнец в драной тунике держал лошадь под уздцы и ковырял в носу пальцем свободной руки. Дюжий мужик сгружал с задка телеги пузатые мешки с овощами и передавал другому мужику.

¹ Гамбезон — доспешная одежда из нескольких слоев плотной ткани.